

✦ Профессиональное кредо

О НЕВОЗМОЖНОМ В ЖИЗНИ (ИНТЕРВЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА С А.А. ПЕЛИПЕНКО, МОСКВА, 1 ИЮЛЯ 2009 г.)

Андрей Анатольевич! Мы с Вами познакомились больше пяти лет назад, когда Вы по моей просьбе перешли работать в Российский институт культурологии. А с Вашей книгой «Культура как система», написанной в соавторстве с И.Г. Яковенко, равно как и другими работами, я познакомился еще раньше. Так что наше заочное знакомство произошло уже давно.

Но дело не в годах и тем более не в их количестве. Главное — это то, что наше сотрудничество на почве совместного освоения теоретического пространства в области социально-гуманитарного знания состоялось, что подтверждается Вашими многочисленными публикациями, выступлениями на конференциях и семинарах. Одним словом, у нас с Вами имеется многолетний опыт совместной деятельности, а это уже само по себе является поводом для откровенного разговора.

О творчестве и творческом содружестве

Юрий Михайлович Резник: С моей точки зрения, Вы, Андрей Анатольевич — одаренный человек, занимающийся разносторонней деятельностью. Бог дал Вам талант теоретика в науке, живописца и писателя. Полагаю, что в любой из этой деятельности Вы бы состоялись как признанный профессионал, но Вы почему то выбрали науку и отдали предпочтение культурологии. Чем обусловлен Ваш выбор? Почему именно культурология стала Вашим профессиональным признанием?

Андрей Анатольевич Пелипенко: Мне кажется, я был культурологом задолго до того, как узнал это слово. Еще в детстве мне приходили разнообразные вопросы, на которые я не мог найти ответа в рамках доступных мне тогда «дискурсов». Я долгое время ориентировался на самореализацию в искусстве (живопись), но при этом продолжал искать ответы на свои вопросы главным образом в сфере философии, истории, психологии и т.п. Но когда я понял, что искусство умерло (как, впрочем, и философия), я обратился непосредственно к теории культуры, которая к этому времени уже вполне оформилась как область познания.

Ю.М.: В молодости мы мечтаем о многом, совершая в своем воображении чудеса и подвиги. О чем мечтали Вы, когда были молодым? Какое профессиональное будущее Вы

Пелипенко Андрей Анатольевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Российского института культурологии (Москва). Автор научных работ по теоретической культурологии, писатель и художник.

себе готовили? Я знаю, что Вы учились рисовать, пробовали свои силы в писательском труде. Когда впервые Вы заинтересовались наукой?

А.А.: В детстве я мечтал быть зоологом. Хотя лет с девяти погрузился в гуманитарные науки. Потом, лет в тринадцать, серьезно занялся изоискусством и искусствоведением. Литературой занимался спонтанно, не относясь к этому серьезно.

Ю.М.: У каждого из нас имеются свои учителя. Кто Ваш учитель (или учителя) в науке и искусстве? Кому Вы обязаны своим профессиональным выбором и становлением?

А.А.: В живописи у меня был очень хороший учитель. Это было еще в Калуге, где я начинал учиться живописи. Он был туркмен по национальности, сочетавший южную колористику с московской школой. Настоящий виртуоз цвета. Я ему очень многим обязан. Можно сказать, что за счет занятий с ним я и вышел на необходимый уровень. А вот в науке таких не было. Я могу привести длинный список авторов, оказавших на меня влияние, но никого из них я не могу назвать своим учителем. Видимо, это связано с тем, что в теории культуры нет такой канонической классики, как, например, в философии. И к тому же я изначально погрузился не в одну, а сразу в несколько научных традиций, и потому у меня и не могло быть какого-то одного «маяка». Впрочем, не было его и в живописи. Я в равной степени преклонялся перед совершенно разными мастерами.

Ю.М.: Что Вы больше всего цените в своем научном творчестве — свободу мысли, ощущение новизны, прорыва в трансцендентное? Что еще, опишите?

А.А.: Все, что Вы перечислили, можно назвать единым чувством Истины, критерий которой находится глубоко внутри подсознания. И это не удивительно: критерий истины не может находиться вне ее, только внутри ее самой. Есть одно изречение М. Пришвина, довольно пошло-романтическое, но, по сути, совершенно верное: «Жизнь — это борьба за бессмертие». Страшна не смерть, страшно небытие. Запечатлеть себя в наиболее энергетически сильных устойчивых формах — это и есть преодоление небытия. Так, просто физическое продолжение рода, т.е. то, чем удовлетворяется большинство людей, — это самое натуральное (в смысле докультурное), слабое и абстрактное продолжение себя. Разные виды культурной деятельности — суть разные виды самореализации, в разной степени фиксирующие неповторимость человека. Такая программа — продления себя в продуктах своей деятельности — это для меня главная жизненная стратегия. А содержание деятельности подчинено глубоко интуитивному ощущению Истины, как ни старомодно это звучит. Мне представляется, что путь к преодолению небытия связан с восхождением от сущего к действительному (в гегелевских терминах).

Ю.М.: Если бы суждено было осуществиться Вашей мечте, то что бы Вы себе хотели сделать на профессиональном поприще — карьеру известного ученого в одном из престижных научных учреждений, организатора научной школы или именитого писателя? А возможно, первое, второе и третье вместе?

А.А.: По мере значимости: второе, первое и третье примерно в равной степени.

Ю.М.: Что для Вас является основным побудителем научного творчества — страсть к познанию, честолюбие, самоутверждение, самореализация, беспокойство духа или что-то другое?

А.А.: Прежде всего беспокойство духа и, разумеется, самореализация.

Ю.М.: Вам удалось сделать многое за время научной работы и еще предстоит немало сделать. Я знаю, что в настоящее время Вы готовите многотомный труд и серию

других научных работ. Что Вы считаете своим главным научным достижением в культурологии?

А.А.: Главным итогом моих изысканий является смыслогенетическая теория культуры, которой и посвящены все эти работы. О содержании этой теории, которая сейчас только начинает разворачиваться из общей концепции, коротко не расскажешь.

Ю.М.: Андрей Анатольевич! Вы — амбициозный человек, невероятный труженник и многое доказали своим упорным и неустанным трудом. Вы систематически проводите авторский семинар, стремясь найти себе единомышленников. Когда мы познакомились с Вами, и я пригласил Вас на работу в РИК, то уже тогда у Вас было желание со временем создать рабочую группу или сектор в структуре института. Одним словом, Вас нельзя рассматривать как исключительно кабинетного ученого, работающего в одиночку. В последние годы Вы демонстрируете ярко выраженное стремление объединить вокруг себя близких Вам по духу людей. Вы — реалист и знаете, что в наше время, когда ценности науки и научного профессионализма девальвированы, а настоящих профессионалов стало значительно меньше, чем декабристов на Сенатской площади, создать профессиональное сообщество практически невозможно, хотя мы с Вами пытаемся это делать. В чем состоит Ваша личная мотивация при создании своей научной сети?

А.А.: Я просто вижу востребованность этого направления. Неслучайно же культурологический бум не стихает. Людям интересно, они тянутся к новым идеям, видят в этом что-то живое, конкретное (несмотря на научную сложность). Поэтому, несмотря на весьма неблагоприятные для науки социальные условия, мне хотелось бы институционализировать этого направление. Если нет, то тоже ничего страшного не случится. В крайнем случае, я могу продолжать работать и один. В принципе, я достаточно для этого асоциален. Вообще, жизнь приучила меня никогда не ждать от социума ничего хорошего. Моя формула такова: если у тебя что-то получилось, значит, какая-то сволочь недосмотрела. Так что приходится довольствоваться малым.

Ю.М.: В любом деле нужны союзники, в особенности если речь идет о совместном проекте. На кого Вы намерены опереться, предпринимая усилия по формированию научной школы в области теоретической культурологии? Кто Ваши соратники?

А.А.: Это прежде всего Игорь Яковенко и еще несколько человек из разных городов. Их имена пока вряд ли Вам что-то скажут. Но, я надеюсь, все еще впереди.

Ю.М.: Я оставляю за скобками ситуацию, сложившуюся в отечественном обществознании, и хочу задать вопрос о Вашей научной судьбе. Как Вы думаете, Ваш путь в науке оказался в целом успешным? И как видите свое будущее в науке?

А.А.: В целом, грех жаловаться. Хотя итоги подводить рано. Больше всего я боюсь не успеть. Этот иррациональный страх сидит во мне лет с пятнадцати и постоянно подгоняет. Это вызывает невротию и болезненный трудолизм. Работой я обеспечен жизни на три. Только бы здоровья хватило. А будущее... Жизнь покажет.

О жизни, людях и обстоятельствах, которые мы не всегда выбираем

Ю.М.: Не хочу показаться банальным, высказывая очередной тезис. Жизнь — это шанс, которым нужно еще постараться воспользоваться, чтобы осуществить себя, выполнить свое предназначение. Вам, Андрей Анатольевич, удалось воспользоваться этим шансом и вписать свое имя в историю, пусть даже свою собственную? Хотя ответ на мой вопрос не предполагает пафосных слов известного героя «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», но все-таки скажите, за что болит

Ваша душа, какие возможности в жизни у Вас остались нереализованными или упущенными?

А.А.: Жалею, пожалуй, только об одном: надо было с детства более серьезно относиться к здоровью. А жалеть о мелких ошибках и глупостях — бессмысленно. Без них жизни не бывает. Но времени зря я все-таки или вроде бы не терял. И это главное. А насчет амбициозности скажу так: конечно, хочется «войти в сагу», но тут уж как судьба распорядится. Главное — стараться. Что может быть тоскливее достигнутой цели?

Ю.М.: Что Вы более всего цените в себе и своей жизни — свободу и независимость, возможность заниматься своим любимым делом и быть самим собой, избирательность в общении, творческие способности, глубину познания и широту кругозора? Что еще, добавьте сами, пожалуйста.

А.А.: Свобода и независимость предполагают все остальное, что Вы перечислили. Здесь трудно отделить одно от другого и выделить главное. Но Вы совершенно точно назвали самое главное.

Ю.М.: Андрей Анатольевич! У Вас потрясающее чувство настоящего в искусстве, науке, которое удивительным образом сочетается с ироническим отношением к миру, людям и даже сарказмом к ним, их слабостям и недостаткам. Что дает Вам основание несколько снисходительно относиться к другим представителям нашего профессионального цеха — чувство интеллектуального превосходства, высокая профессиональная планка, которую Вы задаете себе и другим ученым, жизненный реализм или что-то другое? Лично у меня сложилось впечатление, что Вы не очень-то любите нашего брата — ученого-обществоведа. Если это не так, то развеите, пожалуйста, мое заблуждение.

А.А.: Никаких особых антипатий к обществоведам у меня нет, как и к представителям других научных направлений. Просто я, видимо, слишком остро чувствую ненормальность нормального мира в целом, а коллеги по науке чаще всего попадают мне на глаза. Впрочем, они не столь уж часто становятся мишенью для моего юмора. Да и юмор-то не сказать, чтобы уж очень был злой. Здесь на первом месте не стрельба по персоналиям. А незаинтересованная (вполне по Канту) игра на обживание пространства между знаком и означаемым, т.е. «здоровый абсурдизм» и формо-и смыслотворчество.

Ю.М.: Какой смысловой нагрузкой обладают для Вас слова «любовь» и «дружба». Что для Вас означает любить другого человека? И верите ли Вы в дружбу? Есть ли у Вас настоящие друзья, которым (как это почему-то принято считать) Вы доверяете самые сокровенные тайны своей души?

А.А.: В любовь не очень верю, а так хотелось бы! В дружбу верится немного больше, но тоже особенно не обольщаюсь. Все это имело большое значение в молодости. Затем необходимость в Другом притупляется.

Ю.М.: У каждого из нас имеется множество социальных масок и защитных оболочек, сквозь которые редко удается пробиться даже близким нам людям. Какую из них Вы предпочитаете носить в повседневной жизни, а какую надеваете лишь в самые ответственные моменты? Внешне Вы производите впечатление умного и слегка ироничного человека, сдерживающего на людях свои эмоциональные проявления и способного в определенные моменты общения на меткие выражения с налетом неоскорбительной язвительности. А кто Вы на самом деле? Насколько часто Вам удаст-

ся попадать в цель в своем излюбленном жанре искрометных блиц-высказываний, словом, слыть оригиналом, не обремененным существующими условностями и находящимся в состоянии внутренней миграции по отношению к общепринятым глупостям?

А.А.: Главная маска — «вещь в себе» с немалым привкусом сарказма. Впрочем, это не настолько уж и маска. Насколько «бьяки» попадают в цель — лучше видно со стороны. Хотя цель, как правило, размыта и не персонифицирована. Цель — быденная реальность в целом. Для меня «внутренняя иммиграция» — это естественное состояние и та скорлупка, в которую приходится забираться, прячась от этой самой действительности, которую я глубоко презираю, причем с самого детства.

Ю.М.: Вы серьезно относитесь к себе? Что Вам не нравится в себе? От чего бы Вы хотели избавиться раз и навсегда?

А.А.: Я эгоист, ипохондрик, пессимист и меланхолик. Мне не хватает живой чувственности, эмоционального отклика на жизнь, умения радоваться жизни. Мой творческий мир для меня неизмеримо важнее мира эмпирического. В то же время мне хватает решительности, жесткости, умения «выгрызть» свои интересы. Есть еще куча недостатков, но, если бы удалось исключить хотя бы эти, я был бы счастлив.

О маловероятном и невозможном

Ю.М.: Андрей Анатольевич! Я хочу Вам задать несколько вопросов из разряда «этого не может быть», полагаясь на присущие Вам чувство юмора и самоиронию.

Вопрос первый. Представьте себе, что Вы в силу невероятных обстоятельств оказались на месте одного из политических деятелей России, которого называли «кремлевским мечтателем». Ваши первые декреты и указы? Удастся ли Вам предотвратить скатывание страны в тоталитаризм?

А.А.: Насколько я помню, «кремлевским мечтателем» называли только одного человека — Ленина. Парадокс заключается в том, что спасти страну от скатывания в тоталитаризм можно только жестко авторитарными методами. Для остальных методов все шансы упущены. Скатывание в тоталитаризм означает очередной виток самовоспроизводства так называемой русской системы (термин Фурсова и Пивоварова). Эту систему нельзя откорректировать или видоизменить эволюционным путем. Ее можно только сломать. Причем трансформации требуются масштабные. Социальной силы, способной привести в движение такие тектонические пласты, к сожалению, не просматривается. А один человек — президент или кто-нибудь другой — мало что может изменить.

Ю.М.: Теперь еще одна ситуация. Перенесемся мысленно в другое время. Допустим, в силу еще более невероятных обстоятельств Вы попали в кабинет Сталина, оставшись с ним наедине. Вы и Сталин. Он мрачно смотрит на Вас, покуривая трубку и ожидая какого-то совета, например рекомендации по обустройству нашей гуманитарной науки. Что бы Вы ему сказали, зная, что Вам лично ничего не угрожает и в любой момент Вы, благодаря «машине времени», окажитесь в своем домашнем кресле?

А.А.: Я бы не отказал себе в удовольствии сообщить тов. Сталину, что СССР распадется еще до конца текущего века. Больше, пожалуй, говорить не о чем.

Ю.М.: Еще одна полуневозможная ситуация. Вас избрали в академики РАН. И люди, окружавшие Вас ранее, стали относиться к Вам как к небожителю, улавливая

и записывая каждое Ваше слово, прислушиваясь к Вашему мнению. Насколько бы изменилось Ваше отношение к себе и к ним? О чем бы Вы хотели им сказать, желая развеять подобные предубеждения?

А.А.: Думаю, здесь опять же помог бы юмор. Можно было бы мягко показать людям нелепость их поведения. А вообще терпеть не могу подобострастия. Все время хочется спрятаться под стол. И еще в такие моменты почему-то особенно остро чувствую, как несчастен и незащищен человек на самом деле, а не в глазах восторженных почитателей. От этого хочется бежать.

Ю.М.: *А теперь представьте себе, что в одном из отечественных негосударственных вузов, где стоит целая аллея с бронзовыми памятниками выдающимся деятелям науки и культуры, в т.ч. ныне здравствующим, Вам как академику также поставили памятник. И вот Вы присутствуете при открытии своего памятника. Вокруг собралась толпа людей, участников очередной конференции, ожидающая торжественного момента. Ваша первая реакция после того, как организаторы церемонии разрежут ленточку, и с памятника сползет прикрывающая его шелковая ткань? Что Вы скажите людям, не рискуя потерять свое лицо? Просто и незатейливо: «А вот и я!» или «Я здесь не совсем похож на себя». Или что-то другое?*

А.А.: Я бы, разумеется, сделал бы все, чтобы предотвратить такую ситуацию. Просто сгорел бы от смущения. Предложил бы, например, сделать бюст неизвестного ученого, с непроработанным лицом (подобно тому алтарю неизвестному богу, что стоял в Греции: «Мы тебя не знаем, но чтобы не напакостил»). Ну, уж если бы все-таки такой фортель выкинули бы, то пришлось бы выдать что-нибудь из черноватого юмора. Например: «А где венки?» и т.п.

Ю.М.: *Однажды утром Вы проснулись знаменитым писателем (или художником). После очередного триумфа (бестселлера) Вас ожидает у дома толпа почитателей и журналистов. Вы выходите из дома (или на балкон в домашнем халате) и как публичный человек должны сказать им несколько слов о своем шедевре и творческих планах. Что бы Вы сказали?*

А.А.: Вот эту ситуацию никак представить не могу!

О разном

Ю.М.: *Что значит для Вас комфорт в жизни? Любите ли Вы окружать себя полезными вещами и удобными для работы предметами? Что Вам приносит радость в быту?*

А.А.: Разумеется, удобные вещи лучше неудобных. Но я стараюсь не стать их рабом. И кажется, получается. По крайней мере, я на них не закидываюсь. А вообще, разумеется, с возрастом потребность в комфорте возрастает и бороться с ней все труднее.

Ю.М.: *Насколько я знаю, Вы не очень легко решаетесь на командировки и поездки, не связанные напрямую с Вашими научными интересами? Вы считаете себя в большей степени домоседом, чем путешественником? Нравится ли Вам бесцельно путешествовать по городу, стране или для Вас это пустая трата времени?*

А.А.: Я люблю путешествовать. В поездках мне удается увильнуть от внутреннего полицейского, который постоянно заставляет меня работать или, по крайней мере, думать о работе. А другие места — это всегда другая атмосфера (впрочем, не всегда радостная). Но главное, что другая. И кроме того, в поездках нередко удается сделать интересные культурологические наблюдения. Например, на меня очень сильное впечатление произвела изба-музей А. Николаева в Чебоксарах.

Ю.М.: Любите ли Вы домашних животных? Как Вы сосуществуете с Вашим котом?

А.А.: Кот – мой многолетний научный и художественный руководитель. Вдохновитель и организатор всех побед. Он давно мог бы стать академиком! Просто стесняется! И другой зверь – йорк, тоже не хуже! Звери – мастера манипуляции.

Ю.М.: Следующий вопрос не в порядке строгой очередности. За что Вы цените женское общество? Какие женщины, с Вашей точки зрения, соответствуют идеалу женской красоты и гармонии?

А.А.: Идеала здесь не имею, и никогда не искал. В этой сфере я за многообразие.

Ю.М.: От каких вредных привычек Вы бы не стали избавляться?

А.А.: От привычки к жизни.

Ю.М.: Что Вас больше всего тяготит на общественных собраниях и заседаниях?

А.А.: Вынужденное бездействие, скука, бессмысленность происходящего.

Ю.М.: Как Вы приводите себя в состояние равновесия после затяжных ссор с близкими людьми и конфликтов на работе?

А.А.: Вы можете мне не поверить, но у меня не бывает затяжных ссор. Как-то все быстро устаканивается. А вообще, все лечится работой.

Ю.М.: Умеренность во всем, и в особенности в пище, – это свойство Вашей натуры или осознанная необходимость?

А.А.: К сожалению, не могу похвалиться тем, что обладаю этим достоинством.

Ю.М.: Что Вы будете делать на следующий день после того, как ответите на все мои вопросы? Продолжать жить как прежде? Почувствуете в себе душевную опустошенность или острое желание уйти глубже в себя? Переосмыслите свою прежнюю жизнь и начнете с понедельника новую? Что еще?

А.А.: Подумаю, как отблагодарить Вас за то, что помогли мне взглянуть на себя со стороны. А сильно измениться вряд ли смогу. Да и нужно ли?

Ю.М.: Спасибо за искренность, терпение и понимание!